

Царский выбор

роман-драма

Елена Степанян

Е. Г. Степанян

Царский выбор

Исторический роман-драма

Время действия — 1647 год

*Место действия — Москва, Касимов,
окрестности Касимова*

4-е издание (электронное)

Москва
«Теревинф»
2015

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С79

Степанян, Е. Г.

С79 Царский выбор [Электронный ресурс] : исторический роман-драма / Е. Г. Степанян. – 4-е изд. (эл.). – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 385 с.). – М. : Теревинф, 2015. – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0308-7

Остросюжетное повествование о событиях эпохи царя Алексея Михайловича. Допетровская Русь оживает в драматическом переплетении человеческих судеб. Герои «Царского выбора», живые и полнокровные, мыслящие и страдающие, в сложнейших жизненных коллизиях ищут и, что самое главное, находят ответы на извечные духовные вопросы, обретают смысл и цель бытия.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Царский выбор : исторический роман-драма / Е. Г. Степанян. — 3-е изд. — М. : Теревинф, 2015. — 408 с. — ISBN 978-5-4212-0203-5

С другими произведениями Е.Г. Степанян можно познакомиться на сайтах <http://www.proza.u/> и <http://www.stihi.ru/>. Поиск по фамилии автора.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0308-7

© Е. Г. Степанян, 2007
© «Теревинф», оформление, 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Яркий день первых чисел сентября.
Рослый седобородый странник с котомкой за плечами
медленно бредет, раздвигая высокие травы.

Лесная опушка близ широкой проезжей дороги.
Девушка лет семнадцати сидит на поваленном стволе
и плетет венки. Слышны детские голоса.
Двое мальчишек сидят на дереве «в дозоре».
Девушка издали замечает странника. Девушка поднимается
с места, она очень удивлена.
Странник выбирается на дорогу. Девушка подходит
к страннику и смотрит на него с великим удивлением.

Странник (*подходя к ней*). Здравствуй, дитяtko! Не
скажешь ли, в какую сторону на Москву?

Фима (*указывая*). В эту сторону — на Москву,
а туда — на Касимов. (—) Дедушка, а как же ты
там прошел? Это страшное место, Дарькиной
трясиной зовется. Там никто не ходит. Туда
и подходить бояться.

Странник. Нет такой трясины, дитяtko, где бы
Господь Бог не был волен тропинку проложить.
А наше дело — тропинку эту отыскать.

Фима (*улыбаясь*). Ты, дедушка, наверное, Божий
странник?

Странник. А ты, дитяtko, наверное, Божий ангел.
Какую же красоту Господь сотворил. Чай, боярская
дочка?

Фима. Ивана Родионовича Всеволожского дочь. А звать меня Евфимией. (—) Ты хочешь мне что-то сказать, дедушка?

Мальчишки-дозорные с дерева видят приближающегося всадника.

Мальчишки-дозорные. Андрей Ивановч едет!
Андрей Ивановч едет!

Фима (*страннику*). Это мой брат. Мы его тут встречаем. (*Бежит по дороге навстречу всаднику*).

Всадник останавливается, спрыгивает с коня, обнимается с Фимой.

Странник пристально рассматривает его из-под сдвинутых бровей.

Фима (*подводя к нему Андрея*). А это Божий странник. Он в Москву идет и с дороги сбился, а я ему указала.

Странник (*распрямляет плечи, смотрит Андрею в самые зрачки*). Божьи странники никогда с дороги не сбиваются. Она их всегда туда, куда надо, выводит.

Андрей (*просияв*). Как же ты хорошо сказал. Я вот тоже так думаю. А издалёка идешь?

Странник. Из Сибири.

Андрей (*покачивая головой*). Ого! А из Москвы куда? По каким местам?

Странник. Из Москвы, дитятко-барин, обратно в Сибирь пойду.

Андрей. Трудный, наверное, путь — из Сибири, да в Сибирь?

Странник. Труден путь тому, кто не по своей воле идет. А кто по своей — тому не трудно. А лучше

всего тому, кто идет по Божьей воле. Не зря же говорят — Божии невольники не печалются.

Андрей (*нерешительно*). А ты зашел бы к нам, мы тут близко совсем. Отдохнешь денек-другой, побеседуем.

Странник. Мы еще успеем с тобой наговориться. Потерпи немного.

Андрей (*обрадованно*). Так мы еще увидимся? А где же?

Странник. В Москве.

Андрей (*лукаво*). А где в Москве? В Кремле? На Красной площади?

Странник. Ну зачем же там? — Встретимся в доме Афанасия Корионова.

Андрей. Но это же мой родной дом! Я там, почитай, каждую зиму живу. Жена Афанасия Петровича моей матери сестра родная.

Странник (*усмехаясь*). Вот и ладно. Ты же звал меня к себе домой — там и встретимся. — Ну прощай! (*Поворачивается и уходит.*)

Андрей (*спохватившись, бежит за ним*). Постой, постой, я же не спросил! Как величать тебя, сударь-батюшка?

Странник. Как же ты, барский сын, меня, мужика, сударем назвал?

Андрей. Но ты ведь ближе к Господу, чем я. Вот потому и назвал.

Странник (*вздыхает, покачивает головой*). Да, все верно. (*Громко*) Зовут меня Василием Матвеевичем. (*Повелительно*) Ступай домой, Андрюша. В Москве увидимся. Прощай!

Он уходит, Андрей зачарованно смотрит ему вслед.

Андрей. Фима, ты подумай, он мне сказал — встретимся у Афанасия Корионова!

Фима (*насмешливо*). И ничего тут такого нет. Просто я ему успела порассказать, что мы Всеволожские. А раз он знает дядю Афанасия, то и догадался, что мы сродственники.

Андрей. Да, конечно, так он всю его родню и заучил. А ты не хочешь, чтоб чудеса случались, так и скажи.

Фима (*поддразнивает его*). Очень даже хочу. Только чудеса должны быть настоящими чудесами. А то какой-то дед какого-то дядьку знает.

Брат и сестра идут через лес. Следом крестьянский мальчик ведет Андрееву лошадь. Андрей демонстративно молчит.

Фима (*трогая за рукав обиженного брата*). Андрюша, там, в городе, никто про меня не спрашивал?

Андрей. Спрашивал.

Фима (*истуганно*). Кто?

Андрей. Матушка попадья.

Фима. Ну тебя.

Андрей. Ничего не «ну». Она же в Касимове первая сваха. Чуть что — все сразу к ней.

Фима. И что же ты ей сказал?

Андрей. То, что есть. Как условились. Что ты еще очень молода. Что отец с матерью расставаться с тобой не хотят. Что я еще должен был сказать? Что ты всех женихов ненавидишь заранее?

Фима. Разве ж я кого-нибудь ненавижу, Андрюшенька? Не надо так про меня говорить.

Фима и Андрей идут дальше.

Фима. Андрюшенька, ты меня прости. Этот странник, он настоящий. Он через Дарькину трясиину прошел, я сама видела.

Андрей (*шутливо*). Бессовестная!

Фима. Я ждала, он мне скажет что-нибудь... такое!
А он тебе сказал. Я не позавидовала, Боже упаси, но я очень ждала!..

Андрей (*гладит ее по голове*). Ничего, Фима, я с тобой всегда поделюсь!

2. В доме Всеволожских.

Андрей и отец. Андрей разбирает свой вещмешок. Отец внимательно за всем следит.

Всеволожский. Ты что это столько книг накопил?
Это ж какие деньги!

Андрей. Батюшка, вот те крест, только две купил.
Остальные — дарёные.

Всеволожский. Что? Это кто ж так тебя дарить вздумал?

Андрей. Старый знакомый. (—) Помнишь, год назад заезжал к нам такой Захар Ильич из Казани? Он теперь сам касимовский. Женился на здешней, на Барашовой, ты ведь их знаешь. И дом купил недалеко от отца Николы.

Всеволожский (*притворно сердится*). Помню его, помню. Плут он, этот Захар. Хорошо меня в тот раз облапошил. А что это он вздумал тебе подарки дарить? У него там что, сестра какая, или дочка? Дурака ищет, который приданого не спросит, книжками возьмет?

Андрей. Да нет у него ни сестры, ни дочери. *(Лукаво)*
А вот у жены его и в самом деле есть сестра.
Красавица. Машей зовут.

Всеволожский *(тем же тоном)*. Знать ничего не
хочу. Я с этим Захаром родниться не желаю.

Фима *(выглядывая из-за двери)*. Так она ж не его
сестра, батюшка, а жены его. Не так уж ты с ним
и породнишься.

Всеволожский. Ах так, подслушиваешь? Хороша!
Когда о ней речь, что замуж пора, так в слезы.
А брата готова на первой встречной женить. А ну
ступай отсюда, поторопи там мать и няньку. Что
они себе думают? Дите с дороги до сих пор не
кормлено.

Фима уходит, отец подходит к Андрею, понижает голос.

Всеволожский. Ты скажи, там про Фимку попадья
ничего не спрашивала?

Андрей. Ну, конечно, спрашивала. Я ей отвечал, как
условились. Да куда нам спешить?

Всеволожский. Понимаешь, будь она из себя
попроще, то все бы ничего. А тут эта красота
никчемная, про которую все знают! Я боюсь, что
обо мне молва пойдет, что вот, мол, цену набивает,
жениха побогаче ищет. Мне такие разговоры ни
к чему.

Андрей. Ну а что мы можем придумать? Спрятать
ее в подполе, как сам знаешь что?

Всеволожский. Ты это о чем?

Андрей. Ни о чем. У тебя же в подполе ничего не
зарыто. Никакой кубышки.

Отец хитро усмехается.

Андрей. Но она там может лежать-полеживать, а Фимку все равно придется на Рождество в город везти.

Всеволожский (*осторожно*). В Кузьяеве тоже церковь есть. Можно и там Рождество отпраздновать.

Андрей (*с глубоким вздохом*). Можно и в стольном граде Кузьяеве. И намного дешевле. (*Пауза.*) Самое лучшее, отец, что мы можем придумать, это отвезти Фимку в Москву. Афанасий Петрович и ее уговорит, чтоб не дурачилась, и жениха найдет, самого что ни на есть. Он столько знает, со столькоими дружен, он ее за князя какого-нибудь сосватает.

Всеволожский. Ни за что на свете! Не для того я Фимку столько лет холил-лелеял, чтобы ее муж на меня сверху вниз смотрел. У меня своя гордость есть. Пускай мои прадеды боярства лишились, но я столбовой дворянин, я не потерплю, чтоб меня кто-нибудь даже в мыслях унижал.

Но ты хорош, Андрей Иванович. Князя в зятя захотел. А как же твои речи, что все равны, что всех Господь по образу Своему сотворил?

Андрей. Ты же меня за эти речи вожжами учил.

Всеволожский. Выходит, отучил?

Андрей. Помалкивать научил.

Всеволожский. Так что же у тебя получается? Про то, что все равны, помалкиваешь, а сестру родную за князя выдать хочешь?

Андрей. Меня на криводушии, батюшка, никто не поймает. (—) Да, все равны, но живут совсем не ровно. Разве это тайна для кого-нибудь? И если у меня выбор есть, то что я предпочту для родной сестры? Чтобы она по-княжески жила или чтоб

вышла за бедного помещика, у которого жена сама коров доит?

Всеволожский (*заводясь*). А что тут такого? Разве в этом грех? Сказано: в поте лица своего будешь есть хлеб свой. И я в страду не меньше мужика тружусь, от зари до зари, да! И у меня каждая копейка потом полита.

Андрей. Конечно, тяжкий труд не грех. Но ничего хорошего в нем тоже нет. Нет, конечно же он не грех, он наказание за грех.

Всеволожский (*тревожным тоном*). Что ты мелешь? За какой грех?

Андрей (*спокойно*). За неверие. Ты что, не слышал никогда, как пятью хлебами пять тысяч были накормлены? Разве это не лучше, чем тяжкий труд?

Всеволожский (*держась за сердце*). Андрей, ты что, рехнулся? Ты понимаешь, *Кто* эти пять хлебов разделил?

Андрей. Неужели не понимаю? Но Он же сам сказал, смотри: (*открывает ларец, вынимает Евангелие, оно у него заложено на нужном месте*) «Аминь, аминь, глаголю вам, веруяй в мя, дела яже аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит».

Всеволожский (*вопит*). Замолчи! Замолчи! Ты спятил, спятил!

Андрей. Это не мои слова, отец, это Господь говорит...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не смей! Молчи! Я тебя задущу!

Убегают Фима, мать Евдокия Никитишна и нянька Настасья.

Наперебой. Что случилось? Что? Что?

Всеволожский (*хватает Андрея за руку и тащит к другой двери*). Ничего! Ничего не случилось! Обед подавайте! Что вы сбежались?

Евдокия. Но ты же кричал!

Всеволожский. Нет, не кричал. Послышалось вам. Сказал, обед подавайте. Мы сейчас придем.

Тащит Андрея вверх по лестнице, вталкивает в маленькую комнату, входит за ним и запирает за собой дверь.

Всеволожский. Андрюшенька! Голубчик! Я же твой отец. Я только ради тебя и Фимки живу. Мне для себя ничего не надо. Ты надо мной смеешься, что я деньги коплю. Да разве ж я для себя? Ох ты Господи-Боже! (—) Андрей, ты знаешь, что такое «слово и дело государево»?

Андрей. Знаю.

Всеволожский. Один здравцу царю произносит, а другой в это время чихнет, или сморщится, комар его укусил — и все, пропал человек. Во всех грехах обвинят, всех собак навешают.

Андрей (*пожимая плечами*). Да я знаю, отец, ей-богу, не хуже твоего знаю.

Всеволожский. Так вот, то, что ты давеча сказал, это во сто крат страшнее!

Андрей. Да я же не...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не перебивай меня! — Неважно, где это написано. Пусть хоть по небу огненными буквами. Раз весь мир эти слова мимо читает, тому, кто по-другому прочел, не поздоровится. Ты знаешь, что значит еретиком прослыть?

Андрей. Отец, я же...

Всеволожский. Не смей перебивать! — Кто верит не как все, тот еретик; даже если он сам чудеса творить начнет, еще большим еретиком окажется. Да ты знаешь, что с еретиками делают? Всеми пытками пытаются, живьем жгут! Понимаешь ты, с чем играешь?

Андрей. Да ты же мне сказать не даешь. Не такой я дурак, как ты думаешь. Я только потому с тобой об этом заговорил, что уж точно знаю, что ты на меня доносить не пойдешь. А больше никому не говорил и говорить не собираюсь.

Всеволожский. Никому-никому?

Андрей. Никому-никому. (*Лукаво*) Там ведь в другом месте сказано: «Не мечите жемчуг перед свиньями».

Всеволожский. Час от часу не легче. Ты что же, всех людей за свиней считаешь?

Андрей (*серьезным голосом*). Отец, я в каждом человеке образ Божий почитаю.

Всеволожский (*машет руками*). Не надо! Ни того ни другого не надо. Надо быть как все. И тогда проживешь свой век спокойно, как наши деды и прадеды, что на Кузьевском погосте лежат.

Андрей. Ну, насчет лежать — не знаю, что-то не тянет. Но молчать обещаю, как они.

Всеволожский. Значит, я могу спокойно спать?
(*Андрей кивает.*) Тогда поцелуй меня.

3. Семья Всеволожских за трапезой.

Всеволожский (*Андрею*). Ну, что там в Касимове говорят про нового воеводу?

Андрей. Про нового! Он за этот год так всем
намозолил, забыли уже, когда он новым был.

Всеволожский. А что, он все лютует, еще не поутих?

Андрей. А чего ради ему утихать? С утра до вечера все
к нему с подношениями идут, от первых купцов
до последней бабы, что пирогами вразнос торгует.
А если кто не придет, или принесет мало, он повод
найдет, чтобы в тюрьму упрятать, или без повода
упрячет, а потом выкуп требует.

Всеволожский. М-да. А в Москву на него никто
не жаловался?

Андрей. А какой в этом толк? Вот посмотри: при
старом царе он в Сибири воеводствовал, а как тот
помер, так скорехонько здесь оказался. Ясное дело,
что у него рука в Москве.

Всеволожский. Это отец Никола так считает?

Андрей. Нет, это я сам так сосчитал.

Всеволожский. И ты кому-нибудь про это говорил?

Андрей. Батюшка, я же тебе объяснил, я никогда
никому ничего лишнего не говорю. А тебе еще
больше скажу. Я знаю, кто у него в Москве. — Вот
тут рядом с нами вотчина князя Сонцева. Ты ведь
знаешь, какая молва идет про тамошнего
управляющего?

Всеволожский. Яков Осина? — Ну, за руку его
никто не поймал, но поговаривают, что он всем
здешним разбойникам-душегубам голова.

Андрей. Вот то-то, что никто не поймал. И не поймал,
и не ловит. Он за своим князем как за медной
стеной. А князь этот в дружбе с самим боярином
Морозовым. А сам этот Яков Осина у воеводы
касимовского принят как свой. Вот и замкнулась

цепочка. Ясное дело, что все это одна бражка. Так что, хоть жалуйся в Москву, хоть не жалуйся.

Всеволожский (*недовольно*). Не знаю я, так это, или не так. Мало ли что болтают. Борис Морозов, между прочим, и при покойном царе был в силе.

Андрей. Да, но он тогда был один из многих. И царь был, хоть не Бог вещь какой, но все-таки царь. А нынешний государь уж очень молод. И все говорят, что Морозов с ним что хочет, то и делает. Бояре Стрешневы царю родные дядья, а Бориско с ними открыто враждует и близко к царю не подпускает.

Всеволожский. Не Бориско он тебе, а Борис Иванович. Он царю с младенчества воспитателем был и наставником. Понятное дело, что государь его больше других уважает. И нечего глупость говорить, что здешний разбойник Яков Осина под ним ходит.

Андрей. И касимовский воевода тоже нет?
(*Всеволожский, насупившись, молчит.*) А касимовский воевода с разбойником Осиною дружбу водит.

В продолжение разговора Евдокия Никитишна и Фима очень внимательно их слушают.

Всеволожский. Это все не наше дело. Нас это не касается. Нам своих забот хватает.

Андрей. Сегодня не касается, завтра коснуться может. Вообще-то отец Никола велел тебе кое-что передать, да ладно, я потом.

Евдокия (*настойчиво*). Нет уж, давай говори сейчас. И при мне, и при Фимке. Ничего, пускай слушает, большая уже.

Всеволожский (*подобрев*). А если ее выгонишь, все равно подслушивать станет.

Евдокия (*тем же тоном*). Я знаю, отец Никола зазря ничего говорить не станет. А у меня у самой насчет всего этого кой-какие мысли есть. Давай говори, Андрей.

Андрей (*как бы нехотя*). Отец Никола сказал, что касимовский воевода Степан Васильевич Обручев завел свои порядки не только для купцов и промышленных людей, но и для господ помещиков. И с большой ревностью следит, чтобы они ему должное почтение оказывали. А еще до отца Николы дошло, что таких, как ты, совсем мало осталось, которые бы ему не поклонились и не поднесли сообразно недостаткам своим. И поскольку наш отец Никола тебя и твой нрав хорошо знает, он боится очень, чтобы это око государево тебе какой-нибудь пакости не устроило!

Всеволожский. И что же он советует?

Андрей. То же, что и ты всегда советуешь — быть как все.

Всеволожский. Я к этому Обручеву на поклон не пойду.

Андрей (*просияв*). Вот и правильно. Делал бы он добро, мы бы ему первыми поклонились, верно? (*Отец морицится.*) А при таких делах лучше от него подальше держаться. А то как бы становишься его соучастником и под суд вместе с ним идешь.

Евдокия. Ну под какой еще суд?

Андрей (*с лукавой улыбкой*). А суд один. Помнишь, матушка, я еще маленьким был, заходил к нам Божий странник. Что он говорил? — что суд есть только один, Божий. А наказание приходит по-разному: когда через людей, когда еще как. Я эти слова хорошо запомнил.

Евдокия. От твоих разговоров, знаешь!.. (*Махнув рукой.*) Тебе попovichем надо было родиться, а не дворянским сыном.

Андрей (*покачивая головой*). Нет, дворянскому сыну все же вольготней. Хотя, кто его знает...

Евдокия (*отворачиваясь от него*). Иван Родионович, я к тебе говорю. Я этот разговор не зря завела, и отец Никола, дай ему Бог здоровья, не зря беспокоится. Сами же сказали, что сонцевская вотчина совсем к нам близко. А тут бабы поговаривали, что по деревне какие-то чужие шныряют, когда все на работе, и в них сонцевских признают. А староста Митрофаньч сегодня утром Настасье нашей говорил, что тоже кого-то заметил.

Всеволожский. Где, кстати, Митрофаньч?

Евдокия. На пчельник отправился. — Надо что-то делать, Родионьч!

Андрей. Не поверю я никогда, что Господь нас этим разбойникам выдаст.

Евдокия. Тебе, Андрюшенька, хорошо живется. Чуть что — все Господь за тебя сделает. — Если не можешь сам ничего отцу посоветовать, то лучше уговори его сделать, как отец Никола велит. Ты же так его считаешь.

Андрей. Ну, ежели надо непременно что-то делать, то по моему разумению лучше всего поехать в Москву. У наших Корионовых немалые знакомства, и даже на самом верху. Афанасий Петрович переговорит с кем надо, а потом дадим знать этому Обручеву, что мы тоже не лыком шиты. И вряд ли он захочет нарываться.

Всеволожский (*насмешливо*). Главное — доехать до Афанасия. (*Фима смеется.*)

Андрей (*невозмутимо*). И до тети Груши тоже. У ней княгиня Троекурова дочь крестила, твою, матушка, родную племянницу. А княгиня Троекурова, между прочим, Верховая боярыня. Она мамка царевны Татьяны Михайловны. И наших она не чурается, она у них на всех свадьбах была, мы же сами ее видели.

Евдокия. Отец, а Андрюша не так глупо придумал. — Очень даже хорошо придумал. (*Фима улыбается.*)

Всеволожский (*раздраженно*). Не знаю, посмотрим. Они же небось в деревне. И мне сейчас не до этого. У меня хлеб не обмолочен, самые жаркие дни. Там видно будет. (*К Андрею*) Ступай-ка на пчельник, скажи Митрофаньчу, что он мне нужен, и поскорее.

Дорога на пчельник.

Андрей идет, думая о своем. В ушах у него звучит голос странника: «Встретимся у Афанасия Корионова». «Ты же звал меня к себе домой, там и встретимся».

Андрей начинает двигаться вприпрыжку, большими шагами, как бы летя по воздуху.

В доме Всеволожских.

Евдокия. Иван Родионыч! Что ты против имеешь, чтобы в Москву поехать?

Всеволожский. Кабы ты знала, Авдотья, какая дурь у твоего сына в башке, тебе бы сделалось!.. О-хо-хо! — А кто его мог этому научить? Только твой зять, великий грамотей Афанасий Корионов.

4. Москва. Ночь.

Городская усадьба князей Прозоровских. Домик управ-

ляющего. Трофим Игнатъевич, управляющий князя, просыпается в своей постели. Прислушивается. Встает, подходит к окну. Видит мелькающую тень.

Дальний конец усадьбы.

Слуга (Ерошка), забравшись на бревна, собирается перебраться через стену какой-то сверток.

Трофим (*подбегает, хватая Ерошку*). Стой, подлец! (Ерошка падает на колени пред Трофимом.) Так вот ты чем занимаешься!

Трофим взбирается на бревна, видит убегающего сообщника Ерошки.

Ерошка (*на коленях, обнимая ноги Трофима*).
Батюшка Трофим Игнатъич! Прости, прости, бес попутал!

Трофим (*указывая на сверток*). Где взял?

Ерошка (*всхлипывая*). В том сарае. Там рухлядь всякая давно лежит. Я думал, не нужно никому.

Трофим. В том сарае что лежит — для раздачи бедным. Бедных грабить легче, чем богатых. Ладно, что бы ни пропало, вина на мне. Я же видел, когда брал тебя, что ты лжец. Да вот понадеялся на авось. (—) Сейчас же убирайся вон.

Ерошка (*плача*). У меня дети малые!..

Трофим. Да ты в своем уме? Ради твоих детей я и отпускаю тебя. А то кликнул бы сейчас стражу. Хорошо бы тебе пришлось.

Ерошка за воротами.

Ерошка (*злбно глядя на усадьбу*). Ну хорошо, Трофим Игнатъич, погоди, еще посмотрим, чье воровство старше.

Рассвет. Василий Матвеевич входит в Москву. Идет по улицам.

Усадьба Прозоровских.

Трофим и его помощник Поликарп.

Трофим. Ну что, много он успел стащить?

Поликарп. Осталось больше, но и украдено порядком.

Трофим. Черт бы побрал этого Ерошку! Но и я хорош, старый осел.

Поликарп. Не пойму я, Трофим Игнатьич, почему ты должен за это платить? Зря ты его отпустил, его и сейчас разыскать не поздно.

Трофим (*понижая голос*). Ты что, вчера родился? Отдать человека под суд — все равно что жизни его лишить, даже если он на копейку украл. А у него дети мал мала меньше. (—) А если мне самому с ним разбираться, то еще неизвестно, кому больше сраму будет. Придется за свою глупость расплачиваться. Ведь видел же, видел, когда брал.

Поликарп. Так зачем же ты его взял?

Трофим (*морщась*). Тот прислал, да этот попросил. Ведь не на облаке живем. Приходится порой угодждать, кому не хочешь. (*Вздыхает.*) Я вот тебя тоже с неохотой брал, потому что тебя от Одоевских прислали, а я князей этих терпеть не могу, и челядь их вся такая же. Я даже удивился тогда, что это они заботиться о нас вздумали. А посмотрел на тебя — и взял. И не ошибся.

Поликарп. Спаси Господи, Трофим Игнатьич. Верно говоришь, не ошибся.

В комнату заглядывает слуга.

Слуга. Поликarp Самсоныч, там Божий странник у ворот. Будешь с ним беседовать, или дать хлеба — отпустить?

Поликarp (*встрепенувшись*). Иду-иду!

Поликarp быстрым шагом идет к воротам. У ворот стоит Василий. Они обмениваются многозначительными взглядами.

Поликarp ведет Василия под локоть к дому Трофима.

Поликarp. Мы Божьим людям всегда рады.

Накормим, напоим, премудрости поучимся.

(*На ухо ему*) Далеко ходил, Василий Матвеевич?

Василий. Дальше Тобольска побывал.

Поликarp. Сколько же времени прошло? (*Считает про себя, загибая пальцы.*) Быстро же ты стал ходить.

Василий хитро усмехается. Поликarp вталкивает его в комнату Трофима, сам располагается в соседней на страже. Заодно сверяет какие-то бумаги, расписки и прочее.

Трофим и Василий обнимаются, целуются.

Трофим. Василий Матвеевич!

Василий (*усаживаясь*). Ну что братья-лебеди?

Трофим. Как весной разлетелись, с тех пор никого не было.

Василий. Стало быть, я первый. Скоро и остальные слетаться начнут. Жди.

Трофим. Остановишься у нас?

Василий. Нет, я к другу твоему отправляюсь. Я ему давно обещал, и дело одно у меня с ним есть.

Трофим. Вот праздник будет Афанасию Петровичу!

Василий (*тихо и сердито*). Трофим! Сколько раз тебе было говорено, не называй зазря никаких имен.

За дверью улыбающийся Поликарп прикладывает ухо к щели.

Василий. Мы же оба знаем, о ком речь, и довольны. В Притчах сказано — «остерегайся даже во внутреннем покое твоём». Это что — не к тебе относится, а к кому-то там?

Трофим. Ну прости, прости, Васенька. Это я от радости.

Василий. Как твой сынок, Игнаша, что пишет?

Трофим. Жизнью своей доволен, Господу благодарен. А все не так гладко. Города-то у них Архангельский, а власть у нас всюду (*шепотом*) не бесовская, так московская. Всё, что можно сделать, чтоб людям не жилось-не работалось, всё сделают, ничего не забудут. Пишет Игнатка, что всякий раз, как снарядит корабль в Норвегу или в Швецию, не один, так двое с него сбегут и там останутся. Аж до слез обидно. Совсем оскудеет Русская земля.

Василий. Не плачь, не оскудеет. Скоро народ в другую сторону потечет. Сибирь всех примет. А кого надо, сокроет до поры.

Трофим (*шепотом*). Лютые указы против народа готовятся. Наш князь, и тот сокрушается.

Василий (*кивает утвердительно*). Мне в странствиях моих порой приходилось ночевать в глухом лесу. Сплю я, а вокруг город шумит. Просыпаюсь, а на сердце радость. Значит, быть тут городу. Будет где человеку и Господа своего вспомнить, и о себе подумать. — Я пойду, Трофимушка. Довольно тебе

со странничком беседовать, много их тут ходит, со всеми не наговоришься. (*Встает, подмигивает.*)
А хлеб у тебя невкусный.

Трофим (*разводя руками*). Ну Васенька!

Василий (*лукаво*). Тот, что у меня в котомке, все равно слаще, — пойду я.

Трофим. Дорогу до Яузских ворот найдешь? У него дом...

Василий (*перебивает свистящим шепотом*). Зна-ю. Не знал бы, сам бы спросил.

Трофим. Ну не сердись, родной. Сам ведь говоришь: Бог не выдаст — свинья не съест. (*Обнимаются.*)

Поликарп, кланяясь, провожает Василия до ворот.

5. Утро. Пробуждение деревни, Андрея, Фимы, родителей...

Женские руки вынимают из ларца серьги, ожерелья и другие украшения.

Старое лицо Настасьи Порфирьевны в нарядном уборе.

Настасья. Хватит, матушка Евдокия Никитишна. Куда ты меня, старую, разряжаешь?

Евдокия. А пусть все видят, как мы тебя любим.

Настасья. Ни дать ни взять — боярыня.

Настасья, сопровождаемая мальчиком, несущим корзину, выходит из дому.

Андрей и Фима за воротами.

Андрей. Куда это Настасья собралась?

Фима. Ты что, забыл? Свадьба сегодня у ее крестницы.

Настасья (*поравнявшись с ними*). Ну вы тут смотрите без меня! Чтоб ни-ни!

Медленно удаляется в сопровождении мальчика. Фима и Андрей смотрят ей вслед, потом начинают двигаться в ту же сторону.

Андрей. Там, небось, вой стоит, как на похоронах. — Фим, а почему на деревенских свадьбах всегда плачут?

Фима. Я-то знаю, почему.

Андрей. Ишь ты, какая умная. И что же ты знаешь?

Фима. А вот то знаю, что пойду замуж только за того, кого я люблю. Ну... кого буду любить.

Андрей. А как ты узнаешь, ты любишь его или нет?

Фима. Уж я-то знаю, как.

Андрей. Ну скажи, Фима, скажи! Во сне что ли видела?

Фима. И во сне тоже видела.

Андрей (*почти про себя*). Мне вот тоже порой такое снится!.. Все на свете бы отдал...

Фима. А что тебе снится, Андрюша?

Андрей. А вот не скажу!

Фима. Ну скажи, скажи!

Андрей. А вот догони меня, тогда скажу.

Он бежит, она за ним. Он задерживается, дает ей поравняться с собой, потом бежит дальше. Наконец, они оба падают на небольшой стог сена, по разные его стороны, и лежат, глядя в небо.

Фима. Андрей, помнишь сказку про Финиста — ясного сокола?

Андрей. Еще бы!

Фима. За что его старшие сестры возненавидели? Они же получили, что хотели, — и платья, и кольца с серьгами. А младшей ничего не нужно было — только он, Финист — ясный сокол. А они его решили погубить.

Андрей. Я тоже об этом думал. Ведь вот если сейчас вот так раскинуть руки и взлететь, обязательно кто-нибудь подстрелить захочет. (—) Ну и пусть. Ведь ежели взаправду взлетишь, то уже никто не достанет.

Фима. Андрюшенька, а эта Маша Барашова, она тебе очень понравилась?

Андрей взбирается на верх стога и, свесившись сверху, заглядывает ей в лицо.

Андрей. Евфимия Ивановна! Ты все ягненком прикидываешься, а сама вон какая хитрющая! Хочешь меня женить? Думаешь, родители меньше на тебя наседать будут?

Фима. Да я не просто женить хочу, я хочу, чтобы она оказалась прекрасная и чудесная, и чтоб ты ее очень-очень полюбил.

Андрей. Эх ты, добрая душа! Я сам того же хотел бы, да разве сразу распознаешь?

Андрей, лежа на стогу, долго смотрит в небо.

Андрей (*дразнит Фиму*). А вообще-то, Фима, ничего из этого не выйдет. У родителей решено, что пока тебя замуж не выдадут, меня не женят. Так что, пока ты от женихов прятаться будешь, Машу еще за кого-нибудь отдадут.

Андрей берет длинную соломинку, приставляет ее Фиме к кончику носа.

Андрей. Готова ли ты, о Евфимия, пожертвовать собой ради братнего счастья? Ну говори, чего ты молчишь?

Фима (*чуть не плача*). Андрюшенька, ну зачем ты так! Отец с матерью не изверги какие-то. Они нас любят. Если ты попросишь... Мы в ноги им кинемся! Они тебе разрешат...

Андрей. Да подожду я еще в ноги бросаться!
(*Вытягивается на стоге, глядя в небо.*) Положусь-ка я лучше на Божью волю.

Фима (*уткнувшись в сено*). Ты пойми, Андрей, я ведь точно знаю. Если меня против воли замуж отдадут, я жить не смогу. Я не стану плакать, как деревенские на свадьбах, просто из меня вся жизнь уйдет, и я умру. И никому от этого радости не будет. И тому, кто меня возьмет, тоже радости не будет. (*Фима неслышно плачет.*) Если такая моя судьба, пусть я лучше в девках останусь. Буду твоих детей нянчить. Буду им сказки сказывать. Про царевну. Ту, что в хрустальном гробу лежала и жениха своего дожидалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Москва.

В Спасские ворота Кремля въезжает всадник. Спешивается возле роскошного крыльца. Ему навстречу со ступенек сбегает слуга.

Слуга (*принимая поводья*). Наконец-то, Кузьма Кузьмич! Борис Иванович тебя заждался.

Кабинет Морозова.

Завидев Кузьму из окна, Борис Иванович, величественный чернобородый боярин, нетерпеливо подходит к двери.

Входит Кузьма.

Морозов. Ну что из Англии? Что Карла?

Кузьма. Конец Карле. Мужики его в плен захватили.

Морозов (*всплескивая руками*). Я этого не ждал.
Я этого не ждал. Что же теперь будет?

Кузьма. Судить его будут. (*Подчеркнуто цитирует*)
За вины перед Богом и народом.

Морозов (*качая головой*). Мужики! Судить венценосца!

Кузьма. А знаешь, что они говорят? (*Наклоняется к его уху*) Оттяпаем ему голову вместе с короной.

Морозов. Да, тут уже сказать нечего. Ну и мужик аглицкий, до чего же злобный. Нашему такое не приснилось бы.

Кузьма. Да? — Ты, Борис Иванович, человек мудрый, но про русского мужика ты лучше у меня,

у мужика, спроси. Русский мужик, как медведь, до тех пор смиренный, пока на цепи сидит. И чем тяжелее цепь, тем для него лучше. А на деле, он всех на свете злее. И хитрее всех. Ну да ладно, прости ему Господи.

Морозов в задумчивости рассказывает по комнате.

Кузьма. Это, стало быть, английский товар. А из Франции не изволишь?

Морозов. Уже что-то есть? Неужто купцы успели вернуться?

Кузьма. Купцы вернулись. А королева с детьми как убежала из столицы, так туда и не возвращалась. Князья там всю хозяйничают. А ей объявили, что пока она своего советчика и любовника Мазариния не прогонит, они ее назад не пустят.

Морозов. Змеи подкожные! Да они все вместе его мизинца не стоят.

Кузьма. Твоя правда, Борис Иванович. Только она его уже прогнала. С тяжелым сердцем, наверное, и не насовсем. Но эта свора своего добилась.

Морозов. Да, ну и день сегодня! — Кузьма, ты проследи, чтоб ни один звук!..

Кузьма. Да что ты, Борис Иванович! У меня все иноземцы — вот! *(Показывает руками, как он их держит.)* А свои знают, что если что — попытаемся, через кого утекло, и уж тогда!.. И вообще, много знания — много огорчения. Русский человек и так нелегко живет, зачем его лишний раз огорчать?

Морозов. Кое-кто очень бы даже возрадовался. Все мои ненавистники. Стрешнев — первый.

Кузьма. Да будет тебе, Борис Иваныч. Так-таки нет никого лютее Стрешнева! Подумаешь, царский шурин!

Морозов. Да ты что, Кузьма, глаза протри! Ты в Москве, али в Мадрите? Царский шурин! А Борис Годунов кто был, не царский ли шурин? (*Понижает голос.*) А Романовы откуда пошли? Не от царского ли шурина? — Мы со Стрешневым не на жизнь, а на смерть боролись, и если бы Господь не прибрал вовремя царицу Евдокию, не знаю, что сейчас бы было. Вернее всего, лежал бы я на погосте, а ты возле того погоста свиной бы пас.

Кузьма (*покачивая головой, тихо*). Нет, я теперь Кузькой ни за что не буду. Только Кузьмой Кузьмичом.

Морозов. И они ведь никуда не делись, ни Стрешнев, ни братец его. Царские дядья, родная кровь!

Кузьма (*мрачней*). Рано или поздно новая родня появится.

Морозов (*усмехаясь*). То-то и оно. (—) Ну ничего, мы это дело на самотек не пустим. У этого царя будет шурин, какой надо.

Ладно, Кузьма. Товар твои купцы привезли скверный. Надобно его получше продать.

2. Царский двор.

Сокольничьи ставят на телегу клетки с соколами. Одна еще пуста. Князь Прозоровский, молодой красавец, играет с соколом, который никак не хочет в клетку.

Прозоровский. Ну что же ты, Яхонт? Ты ведь теперь не мой. Ты теперь царский.

У царя.

Алексей играет в шахматы с дьяком Чистым. Рядом шут Ванятка возится с большим котом.

Чистой. Ну что, государь, давай делать мировую.

Алексей. Хороша мировая. Разбил меня в пух и прах.

Чистой. Ничего. Через год-другой ты меня так же разобьешь.

Ванятка. Тоже мне радость — деревянные коняги.
Зверь должен быть теплый, пушистый, вот как мы с Парфентием. А ты, батюшка, не забыл, что завтра у нас потеха в селе Покровском?

Чистой (*морщась*). Да что в ней хорошего, в медвежьей травле?

Ванятка. Не любишь этой потехи, Назар Петрович?

Чистой. Не люблю. (*С иронией*) Не христианская это забава.

Ванятка. Да что ты, батюшка! Там такой медведь!
Ходит на задних ногах, водку пьет из стакана.
Утирается, кланяется, благодарит. Разве ж это не по-христиански?

Входит Прозоровский.

Прозоровский Все сделано, государь. Отправил я их в Сокольники.

Алексей (*милостиво*). Отцу не забудь мою благодарность передать. Ну и соколы, я бы с такими ни за что не расстался.

Прозоровский (*улыбаясь*). Ну ничего! Ты же без меня на охоту не поедешь, а я без тебя — тем паче.

Появляется Морозов с мрачным лицом. Все прочие удаляются. Морозов лично закрывает дверь.

Царь и Морозов вдвоем.

Алексей. Ну что там с Карлой?